

Элеонора Кременская

Зачарованный дом

Элеонора Кременская

Зачарованный дом

«Издательские решения»

Кременская Э. А.

Зачарованный дом / Э. А. Кременская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749127-7

Глядя на старинный особняк, любой мало-мальски мыслящий человек вообразит пышные балы и ужасающие трагедии, когда, сотворив убийство отца, две сестры, сложив ладони, бубнят под нос молитвы, а через некоторое время, другая жилища дома погибает, чтобы после смерти обвинить в своей гибели возлюбленного, чародея, алхимика...

ISBN 978-5-44-749127-7

© Кременская Э. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	26
12	29
13	32
14	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Зачарованный дом

Элеонора Кременская

© Элеонора Кременская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Арина подошла к высокому дубовому шкафу, стоявшему в углу комнаты, достала из него шерстяной плед и, не торопясь, обвернулась. Двигаясь по-стариковски медленно, с усилием, она вышла на крыльцо, где примостилась в деревянном кресле, глубоко вдыхая свежий, морозный воздух и терпеливо пережидая, когда же выровняются скоростные удары сердца, хорошо заметные даже по вздрагивающим в такт бешенному сердечному ритму, прядям русых волос.

Сквозь прозрачный забор ей хорошо была видна улица, залитая светом фонарей и новогодних гирлянд, сверкавших на соседних домах.

Арина обожала новогодние праздники.

С любопытством рассматривала она ели, наполненные золотистым светом огней у зажиточных бизнесменов Емельяновых. Арина немножко завидовала им, более крепкой семьи трудно было отыскать на всем белом свете. Редко встретишь бесхитростные, но сильные, крепкие души, объединенные под одним кровом, скорее увидишь хитрованов, злыдней и жадюг, топчущих родственника-простеца, не умеющего существовать по закону: «Хочешь жить, умей вертеться!»

За дверью раздались шаги. Это отец. Хочет проверить, в порядке ли она. Арина зябко поежилась. Отец вынес овечью шубу, завернул заботливо дочь, переобул ее ноги из катанок в высокие белые валенки.

– Пожалуй, пуховый платок надо бы на голову, – придиричиво осматривая ее, задумчиво произнес он.

– Спасибо, па! Шел бы ты спать! – зевнула Арина, благодарно посматривая в сторону надежной фигуры отца.

– Ничего! – присел он на ступеньку крыльца, огляделся вокруг.

– Красота!

Арина с готовностью подтвердила.

– Борисовы синими гирляндами дом и елки оплели, а Кузьмичевы красными, – продолжал отец, – и что это за мода такая, исполнять украшения в одном цвете?

– Современная мода, – отозвалась Арина.

– Но у нас-то лучше, – повел рукой отец, приглашая ее рассмотреть разноцветные огни гирлянд, бегущих бесконечной мигающей лентой по деревьям, перилам крыльца и елке во дворе, наряженной, к тому же, стеклянными старинными советскими шариками, шишечками, фонариками, фигурками.

– У нас лучше, – закивала Арина и перевела взгляд на темный массив двухэтажного особняка, стоявшего по соседству.

Обособняк пустовал уже лет двадцать, о нем шла нехорошая молва, да и внешний вид подкачал. При свете дня потенциальных покупателей отпугивали зеленые пятна плесени и проплешины ядовито-желтого мха, поселившиеся на каменных стенах. Внутри, говорят, картина была не лучше, необжитое пространство комнат ветшало и грязнилось само по себе.

– Тебе лучше, дочка? – повернулся к ней отец.

Арина кивнула, ритм сердца выровнялся, дышать стало легче.

– Пошли? – предложил он руку.

В гостиной поправил торшер, подбросил в камин несколько поленьев и уселся в мягкое кресло.

– Ты ложись, – указал он на диван, – а я еще посижу.

Арина послушно легла, укрывшись двумя одеялами и подоткнув под голову мягкую подушку, сонно уставилась на пляшущие языки пламени.

Отец вытянул длинные ноги, с наслаждением потянулся, устраиваясь удобнее возле камина.

– Вот новый год справим, отпразднуем рождество и отправим тебя в санаторий, – говорил он.

Арина молчала, сквозь ресницы наблюдая за ним. Она поражалась тому, насколько он не похож на всех этих дряблых стариков, проживающих в округе. Он был совсем иной: высокий, поджарый, с твердой линией подбородка, глазами, в которых сверкал острый разум. Все его движения были исполнены внутренней силы и могучей энергии.

Арина заснула, во сне ей привиделось море, бурными волнами взметывающееся кверху, выплескивающееся на край пирса, на песчаный берег.

2

Проснувшись, Арина закусила губу и осторожно попробовала сесть, левое плечо и рука раскалывались от боли. Нашарив лекарство на журнальном столике, проглотила сразу целую горсть. Боль потихоньку отпускала.

В кухне напевал отец, готовя легкий завтрак.

Арина почувствовала запах омлета.

– Ну, как ты, доча? – кинув взгляд на потревоженные пачки лекарств, спросил он, наклоняясь над Ариной.

– Все хорошо, па, – постаравшись придать голосу больше оптимизма, весело ответила Арина.

Прихлебывая горячий чай, отец недоверчиво наблюдал за вялыми движениями дочери, неохотно поглощавшей свою маленькую порцию завтрака.

– Опять аппетита нет?

– Столько лекарств, – вздохнула Арина, недоговорив.

В это время раздался мелодичный звонок.

– Кого это черт принес? – удивился отец, бросив взгляд на настенные часы, где стрелки показывали восемь утра.

На пороге стоял незнакомец. Окинув его одним взглядом, отец пригласил мужчину пройти в дом.

– Чай, кофе, тосты? – любезно предложил он.

Мужчина, немногим старше Арины, лет тридцати, настороженным взглядом окинул девушку. Задержался на ее фиолетовых губах, сигнализирующих о сердечной хвори, и кивнул, соглашаясь позавтракать вместе с хозяевами дома.

– Извините за столь ранний визит, – сказал он, усаживаясь за круглый кухонный стол, напротив Арины, – но я решил побеспокоить вас, заметив дым из трубы.

– Это камин, – отозвалась Арина.

– Судя по дыму, – продолжал незнакомец, не сводя встревоженного взгляда с лица девушки, – подумал я, в этом доме хозяева уже встали.

Отец поставил перед гостем дымящуюся чашку кофе, тарелку с тостами и вазочку с клубничным вареньем.

– Благодарю, – намазывая чайной ложкой варенье на жареный хлеб, с чувством произнес незнакомец.

– Итак, какое неотложное дело привело вас в наш тихий уголок? – спросил отец, занимая свое место за столом.

– Митя, – вместо ответа назвал себя он и, привстав, поклонился, вопросительно глядя на присутствующих.

– Владимир Алексеевич, а это Арина, моя дочь, – вежливо представился хозяин дома.

– Можно сказать, без преувеличения, что ваш дом очень тепел и уютен, – искренне прижал руку к сердцу, Митя, – в этой части города вообще мирная атмосфера, практически домашняя и скорее всего не криминальная?

– Многие годы живем спокойно, – подтвердил Владимир Алексеевич.

– Редкое явление, – продолжал Митя, с удовольствием отпивая кофе, – жители других районов города не могут похвастаться отсутствием разбоя и случаев воровства. Кроме того я пытался найти хоть какие-нибудь следы неряшливости здешнего люда, несанкционированные свалки мусора, но так ничего и не нашел?

– Верно, у нас живет дисциплинированный народ!

– Весьма необычно для русских, знаете ли, – покачал головой, Митя.

– Время идет, люди меняются, – вставила тут свое слово, Арина.

Митя взглянул на нее с недоверием:

– Разрешите с вами не согласиться, ведь известно, стоит одному бросить пакет с мусором, сразу же следом накидают столько хлама, что, и, боже ты мой!

– Обратите внимание, – говорил молодой человек, со вкусом откусывая тост с клубничным вареньем, – русские ничуть не изменились, как и сто лет назад любят шикануть, пустить пыль в глаза, продемонстрировать барские замашки. Мишурным блеском театральных огней сбить с толку.

– Но скоро Новый год, – возразила ему Арина.

Едва посмотрев на нее, Митя горячо продолжил:

– А эти замки с красными колонами, флюгерами, флигелями, множеством узких окон похожих на бойницы?

– У нас таких нет, – категорично поджала губы Арина.

– У вас нет, – согласился Митя, – но в других крупных городах, особенно в Подмосковье полным-полно.

– Бездарщина, – обронил Владимир Алексеевич, состроив презрительную гримасу.

– Генетика, так сказать, рабоче-крестьянская зависть к «блестящей» жизни господ, нашедшая воплощение в архитектурной безвкусице! – быстро пояснил Митя.

– Вы – ученый? – догадалась Арина.

– В некотором смысле, – с достоинством склонил голову гость, – перед вами исследователь феномена тайной жизни русских людей.

– Тайной жизни? – переспросил Владимир Алексеевич, с подозрением вглядываясь в ученого.

– Речь идет об особенном явлении, – выдержав паузу, со значением поглядел он на хозяев дома, – я расследую мотивы и поступки буйных призраков.

Арина испуганно метнула взгляд на отца, от нее не ускользнуло то, что осталось не замеченным их гостем: жесткий взгляд Владимира Алексеевича буквально ощупал молодого человека.

– Вам надо было с этим вопросом обратиться в церковь, – осторожно сказала Арина, не сводя глаз с отца, – там вас приняли бы, выслушали и поддержали!

– Но церковники не соседствуют с тем домом! – ткнул пальцем в сторону пустого особняка, Митя.

– Позвольте, – стараясь быть вежливым, проговорил отец, – думаю, вы ошиблись! Мы не поклонники оккультных наук, терпеть не можем сектантов и живем по принципу – здесь и сейчас!

– То есть, не верите в призраков? – упавшим голосом, спросил гость.

– Именно! – с вызовом воскликнул Владимир Алексеевич.

– Я понял, – встал из-за стола Митя, – простите за беспокойство и спасибо за угощение!

– Были рады познакомиться! – пролепетала Арина, чувствуя нарастающие удары сердца.

– Думаю, будем часто видеться! – повернулся от двери Митя. – Ведь я купил старый дом!

– Только сумасшедшего ученого нам не хватало, – горько проронил отец, запирая за новым соседом, входные двери.

– Ты несправедлив к нему, папочка!

– Помилуй, Арина, тратить государственные деньги на изучение фантомов!

Но заметив состояние дочери, засуетился, проводил ее к дивану.

Проглотив лекарства, Арина погрузилась в сон, где увидела соседний особняк, наполненный тихим шепотом, шорохом чьих-то шагов, затрудненным свистящим дыханием схожим с дыханием астматика или больного «грудной жабой».

3

– Это невозможно!

– Что за вздор?!

– Помилуйте, какие исследования? Мы не подопытные крысы!

Арина открыла глаза.

– Тише, тише, у меня дочь спит! – пытался успокоить крикунов, отец.

Вопили на улице.

Арина подошла к окну, отодвинула штору. Вдоль забора, по тротуару метались соседи: Емельяновы, Борисовы, Кузьмичевы.

– Я вас правильно понял? – насканивал глава семейства крупных бизнесменов Емельяновых. Седой, очень старый, но все еще энергичный Сергей Сергеевич.

– Совершенно правильно! – отвечал Митя.

Молодой ученый стоял, скрестив руки на груди и без усмешки, внимательно взирал на разгорячившихся жителей.

– И что же нас будут снимать днем и ночью? – колко осведомился Борисов старший. Художник импрессионист с подходящей профессии прической дыбом.

– Круглосуточное видеонаблюдение за Борисовыми! Не иначе заикой сделает ученых, – сострил кто-то из Кузьмичевых.

– И, тем не менее, – вмешался Сергей Сергеевич, – почему вы хотите наблюдать за нами?

– Вы соседи, – немедленно ответил Митя и показал на старый дом, – вот этого!

– Звучит тарбарщиной! – раздраженно вмешался отец.

– Да, Владимир Алексеевич, звучит, – согласился Митя и взглянул в окно, прямо на Арину, прижавшуюся к подоконнику.

Она отшатнулась и спряталась за штору, чувствуя, как заливается краской до корней волос. Молодой ученый вызвал в ней смутение.

– В моем доме вы камеры не повесите! – категорично заявил отец.

– И в нашем доме! – тут же подключились Емельяновы.

– И в нашем! – эхом отозвались Борисовы и Кузьмичевы.

Ученый остался один, соседи покинули его.

– Что случилось? – бросилась Арина к отцу, как только тот вошел в двери.

– Ты встала? – удивился он и с досадой посмотрел на улицу. – Мы тебя разбудили!

– Ничего, па! – она вопросительно заглянула ему в лицо. – И все же?

– Митя решил повесить специальные камеры не только в своем чертовом доме, но и вдоль по улице, но и в наших жилищах!

– Зачем? – удивилась Арина.

– Откуда мне знать! – вспыхнул отец, однако тут же взял себя в руки. – Извини, прости, пожалуйста!

– Папа?

– На данный момент я тебе больше ничего не могу сообщить! – устало произнес он и опустился в кресло, возле потухшего камина. – Мне кажется – это начало конца!

– Почему, папочка? – опустила перед ним на колени Арина.

– Кроме знакомого нам уже Мити, в соседнем доме появились еще люди, видимо его друзья – ученые. Приехали телевизионщики, просто наваждение какое-то!

– Из-за старого дома? – не поверила Арина.

– Вот именно! – схватился за голову отец.

Арина прошла в свою комнатку, где наряду с ее детскими рисунками, припиленными канцелярскими кнопками к цветастым обоям, висели и более поздние работы, в основном альбомные листы, изрисованные сказочными дворцами, танцующими принцами и принцессами.

Из окна комнаты она видела суету во дворе старого особняка.

Множество людей сновали туда-сюда с некими чемоданами и ящиками. Несколько грузовиков стояли возле самого крыльца дома.

Заметив Митю командующего разгрузкой, Арина прижала руки к груди.

– Красивый, – прошептала она.

4

Арина с ногами забралась на диван. Занавески на окнах были плотно задернуты, в камине уютно горел огонь, отец привычно устроился в кресле. Возле включенного телевизора ненавязчиво переливалась радужными огнями нарядная елка.

– Хочешь еще кусочек торта? – спросил отец.

Арина покачала головой и погладила себя по животу, демонстрируя переедание.

Журнальный столик, накрытый в честь праздника сверкающей скатертью, сплошь был уставлен блюдами с яствами. Отец задумчиво вертел в пальцах стопку.

– Новый год, а на душе никакого восхищения! – пожаловался он.

– Смотри, как бы к тебе не явились духи!

– Рождества? – подхватил отец, смеясь. – Но я, же не Скрудж Макдак!

– Слава богу, – выдохнула Арина, – я бы не смогла ужиться в одном доме со скупердям.

– Я бы мучил тебя экономией! – пообещал отец. – Хотя ты и так подарок для скупого человека!

– Почему?

– Ничего не ешь, все время спишь, – принялся загибать пальцы, отец.

– А лекарства? – напомнила Арина, вытирая слезы от смеха. – Ты бы разорился на лекарствах!

– О, прости, забыл! – ошеломленно воскликнул отец.

– Ты явно не Скрудж МакДак!

– Жаль, что ко мне не придут духи праздника.

Он пожевал губами:

– Впрочем, я счастлив встретить с тобой Новый год. Рад, что тебе лучше!

В двери позвонили.

На пороге стоял Митя.

– Я пришел мириться! – протянул он бутылку шампанского и торт.

– Лет сто пятьдесят назад не было в округе дома богаче, чем старый особняк, – говорил он через несколько минут, усевшись на мягкий стул, возле журнального столика, – кроме того, он был самым большим. Первые владельцы, купцы Затрапезниковы любили давать балы и маскарады. По их угожьям бегали разукрашенные барышни, а на деревьях висели цветные фонарики.

– Угожьям? – переспросила Арина, глядя в лицо молодого человека.

– О, да, – кивнул Митя, – ближайшие дома были крестьянскими. На несколько километров вокруг уверенно цвели заливные луга, ухали совы в дремучих лесах.

– Неужели?! – зааплодировала Арина просто в восторге от такой истории.

Отец притаился в кресле, внимательно слушал.

– Однако Затрапезниковы разорились и продали дом богатому чудаку Демьянову. Он вызвал немалый переполох среди городских кумушек, авторитетно занимаясь спиритическими сеансами, Демьянов серьезно смущал покой горожан, но обвиненный в нескольких загадочных убийствах, уехал за границу. И дом перешел в руки дворян Аверьяновых. Они превратили особняк в дачу, однако у них возникли проблемы. Слуги не держались, время от времени Аверьяновы беспомощно пытались найти новых слуг для своей дачи, но слухи летели быстрее.

– Что за слухи? – живо поинтересовалась Арина.

Митя закинул ногу на ногу, чокнулся стопками с хозяином дома, выпил залпом и оценил:

– Кагор?

– Мое любимое вино, – подтвердил Владимир Алексеевич.

– Я думал Новый год принято встречать шампанским, – кивнул на принесенную им бутылку, Митя.

– Кроме меня в этом доме никто не пьет, – усмехнулся отец, глядя на дочь, – а пью я редко.

– И только по большим праздникам! – догадался Митя.

Взглянув на ковер, расстеленный на полу, где валялись мягкие тапочки, пошевелил пальцами ног, впрочем, отнюдь не босыми, а в серых шерстяных носках.

– Сколько лет вашему дому?

– Уже сорок, – проронил глава семейства.

Увидев неприкрытое любопытство в глазах Мити, Владимир Алексеевич потупился:

– Моя жена умерла двадцать лет назад. Я вырастил дочь в одиночку.

– Было тяжело? – посочувствовал Митя, мельком посмотрев в сторону Арины.

– О нет, Арине на тот момент жизни исполнилось восемь лет, и она держалась молодцом!

– Но, – не договорил Митя, давая понять без слов о болезни дочери хозяина дома.

– Я не сразу заболела, – вместо отца ответила Арина, – вслед за мамой умерла моя драгоценная бабушка.

– Теща с год помогала мне с Ариной, – пояснил Владимир Алексеевич.

Поджав под кресло длинные ноги, он принялся упоенно жевать кусочек шоколадного торта, подаренного гостем, смаковал каждую крошечку.

– Я помню ее пироги с картошкой, – тихо сказала Арина.

Митя осторожно поднес к носу блюдо со своей порцией торта, внимательно рассмотрел.

– Что-то не так? – спросила у него Арина.

– У меня аллергия на цитрусовые!

– Думаете, они есть в торте?

– Сейчас можно всего ожидать, изобрели даже йогуртовые торты, – облизнул он тонкие губы.

– После смерти бабушки, – негромко продолжил говорить отец, – Арина и заболела. Плакала, плакала, жаловалась на боли в груди, выяснилось наследственное заболевание.

– Наследственное? – рассеянно спросил Митя, искоса наблюдая за Ариной.

– К сожалению, да, – вздохнул Владимир Алексеевич, – и ее мама, и бабушка скончались от сердечной недостаточности.

– Похоже на родовое проклятие, – заметил Митя.

– Мы не верим в мистическое, – напомнил ему Владимир Алексеевич.

Внезапно, в нагрудном кармане гостя запищало.

– О, простите! – всполошился Митя. – Мне надо бежать!

– Что-то произошло? – привстала с дивана Арина, с тревогой глядя в лицо ученого.

– Нечто в особняке, датчики засекли движение! Ерунда! – отмахнулся Митя. – В зачарованном доме много моих друзей, они справятся, но все же я должен быть на месте!

– Зачарованном доме? – Арина неуверенно заморгала.

– Так мы его прозвали, – улыбнулся Митя и посмотрел ей в глаза, – вас, я поздравляю с Новым годом!

И взял ее за руки. Прикосновение его сухих, но теплых ладоней произвели на нее шоковое впечатление, ничего не заметив, Митя, отпустив ее ручки, легко поклонился Владимиру Алексеевичу.

– Зачарованный дом, – повторила Арина, ошеломленно глядя на закрывшуюся за гостем входную дверь.

– Как в сказке! – усмехнулся отец.

5

Озираясь по сторонам, Сергей Сергеевич Емельянов постучал в двери.

– Странно, неужели звонок испортился? – удивился отец.

– Па, это же старик Емельянов! – Арина поднесла к губам чашку чая, одновременно с удовольствием вдыхая восхитительный мятный запах.

Отец всегда заваривал чудные чаи, преимущественно фруктовые: смородиновые, лимонные, клубничные, земляничные, малиновые.

– Давайте закроемся на все замки, – опасливо покосился на соседний дом, Сергей Сергеевич.

Поставив в угол прихожей трость, снял с плеч медвежью шубу, переобулся из валенок с калошами в предложенные хозяином дома катанки.

– С сожалением вынужден признать, – начал Емельянов, усаживаясь за кухонный стол, лицом к окну и наблюдая за сверкающими снежинками, неторопливо сыплющимися с серого неба, – что ваш ученый прав!

– Почему – наш? – немедленно прицепился к словам соседа, Владимир Алексеевич.

– Люди видели, он к вам ходит, – торжественно воздел палец кверху старик Емельянов и выразительно посмотрел на Арину.

Отец проследил за его взглядом.

– Она больна! – напомнил он.

– Судя по всему, Митю это не тревожит, – вздохнул Сергей Сергеевич, с наслаждением вдыхая аромат мяты.

– Летом пахнет, – сообщил он.

– Летом, – кивнула Арина и подвинула гостью вазочку с шоколадными конфетками, – угощайтесь!

– Ты с ним общаешься? – строго сдвинув брови, но взяв конфету, спросил старик.

– Когда приходит к нам в дом!

– Было бы странным с ним не разговаривать да, девочка? – испытующе заглянул он ей в глаза.

– Что за допрос?

– Не допрос, а выяснение ситуации!

– Видите ли, Сергей Сергеевич, – ласково обратилась к нему Арина, – мне, безусловно, интересна история соседнего особняка, а Митя так захватывающе рассказывает!

– История! – хлопнул по столу ладонью, Емельянов. – Что ваш ученый может знать об истории зачарованного дома?!

– Было время, когда особняк пришел в упадок. Последние владельцы дома, дворяне Аверьяновы бежали за границу и в господских комнатах обосновались красные комиссары. Ватага голодранцев даже не представляла с кем или лучше сказать, с чем столкнется в ближайшее время! Мои предки, впоследствии раскулаченные крестьяне видели, как одного за другим возмутителей революционных беспорядков, где все было дозволено, отволокли в психиатрическую лечебницу. Каждый, извольте заметить, каждый, пускал пузыри и не мог вспомнить собственного имени!

Арина задрожала, губы ее посинели больше обычного. Отец, заметив ее состояние, сердито обрушился на соседа с упреками.

Проследив за приемом лекарств, старик прошествовал в гостиную, где усевшись в мягкое кресло и глядя, как заботливо отец укладывает дочь на диван, грозно произнес:

– Вы думаете, для злодеяний подобного рода есть препоны в виде времени или каменных стен?

Он зорко поглядел на Арину.

– Э, нет! – и потряс кулаком в сторону зачарованного дома. – Ох, уж эти мне ученые мужи, вначале делают, после думают!

– О чем это вы? – спросила Арина, натягивая плед до самого подбородка.

– Как о чем? – возмутился Сергей Сергеевич. – Сама будто не знаешь. Одержимых и из монастырей, и из церквей изгоняют!

– Одержимых? – ахнула Арина.

– Конечно! Потому как несут с собой заразу, будто грипп. На подошвах ног своих приносят.

– Тоже мне, одержимый, – хмыкнул отец, – скорее чудака, фантазера, глупца, гоняющийся за призрачными мирами.

– А вот это ты врешь, Володя! – повернулся к нему сосед. – В доме, действительно есть нечто такое.

– Какое? – нетерпеливо выкрикнул отец, надвигаясь на старика.

– Непонятное!

– Что же может быть непонятного в обветшалом доме, а?

– Ну, не знаю, – пошел на попятную, Сергей Сергеевич.

– После гражданской войны в доме долгое время была начальная школа, где ни учителя, ни дети не жаловались на чудеса, а просто учили и учились. В шестидесятые, особняк перешел в ведение городской библиотеки и опять-таки, молчок, никаких слухов! Но тут пришли к власти сумасшедшие, развалили всю страну, библиотеку расформировали и нате вам, поползли сплетни, дескать, в пустующем особняке Аверьяновых завелась нечисть!

– Да ну, – не очень уверенно возразил ему старик Емельянов.

– Вот тебе и ну, – не сдавался хозяин дома.

– Смотри-ка, дочка твоя спит! – указал он на спящую Арину.

Они на цыпочках вышли прочь. Тихонько оделись и, выйдя на крыльцо, еще долго препирались из-за соседнего особняка, где не было видно никакого движения, и выпавший снег лежал не тронутым белым покрывалом во дворе.

Сорока слетела вниз и принялась похаживать по девственному снегу крыльца старого дома.

– Чего это они, неужели еще не выходили? – удивился старик Емельянов.

Переглянувшись, они поспешили во двор зачарованного дома.

6

Старик Емельянов не отставал от Владимира Алексеевича ни на шаг. Перескакивая через две ступеньки, они взлетели вверх, где за наглухо закрытой дверью находились люди.

Не сговариваясь, навалились, старый замок скрипнул, дверь распахнулась. Ворвавшись внутрь, обежали весь дом, цепляясь руками и ногами, вскарабкались по трухлявой лестнице на чердак, спустились в подвал. Запыленные стекла окон многочисленных комнат отражали неяркий свет небольших софитов. Повсюду, на треногах стояли видеокамеры, но людей не было, нигде не было!

– В полицию звонить надо!

Но мнение Владимира Алексеевича, Емельянову узнать так и не довелось, в особняк ворвались его близкие:

– Папа! Живо домой, затеял игры в казаков-разбойников, а, сам прием лекарств давно пропустил!

Возмущался старший сын, семидесятилетний седой мужик. В затылок ему дышал средний, процессию замыкали две снохи и внучка с правнучкой.

– Легки на помине! – беззлобно проворчал Сергей Сергеевич с легкостью вверая свое дряхлое корявое тело в руки родных.

– Тебе сколько раз говорить, от дома без сопровождающего никуда! Вы только посмотрите на него, шуба в паутине, валенки испачкал! Ведь не семнадцать лет! Пожилой человек, а прыгаешь, словно мальчишка!

Старик Емельянов слушал и кивал, во всем соглашаясь с домашними, паутины он нахватал на чердаке особняка, валенки запачкал в грязном подвале.

Напоследок обернулся к соседу, лицо его, несмотря на нелепость ситуации, когда младшие выговаривают главе семьи, озарила счастливая улыбка:

– Так ты уж, побеспокойся, Володенька, – промямлил он, увлекаемый, под руки прочь, во двор своей заботливой родней.

Владимир Алексеевич проворно бросился к себе, не позабыв прикрыть входную дверь зачарованного дома. Схватил телефонную трубку и, набрав номер полиции, попытался объяснить происшедшее.

– Люди пропали! – торопливо говорил он. – Хотя вокруг особняка никаких следов. Когда пропали? Я не знаю, когда!

И не выдержав переговоров, закричал:

– Исчезли русские ученые. Много! Может, человек, сорок. Понимаете?

– Прости, – тихонько сказал он в следующую минуту разбуженной его криками, Арине.

Он проводил ее в свою комнату, окна которой выходили на заснеженный фруктовый сад. Белые лучи холодного солнца играли на корешках толстых фолиантов аккуратно расставленных в книжном шкафу, плясали на белоснежном покрывале большой кровати. Арина прилегла, вопросительно глядя на отца:

– Лучше тебе побыть здесь, – посоветовал он, – приедут стражи порядка, может, соберутся соседи, во всяком случае, будет шумно, а тебе это ни к чему!

– Спи! – велел он, протягивая дочери таблетку снотворного.

– Если случилось что-то из ряда вон, скажи мне, – попросила Арина.

– Нет-нет, ничего не случилось!

Чуть споткнувшись на последних словах, он заботливо подоткнул одеяло и замер, любясь. Ослепительно прекрасная, невесомая, полупрозрачная, словно солнечный ветерок, дочка казалась существом из другого мира, и отец, глядя на нее во все глаза, знал наперед о смерти, распахнувшей над ней свои черные крылья.

– Н-нет, я тебя ей не отдам, – прошептал он, целуя дочь в холодные щеки, – слышишь? Мы еще поборемся!

Арина не ответила, лишь слегка улыбнулась во сне.

– Володя! – послышался веселый голос старика Емельянова.

Хозяин дома поспешил в прихожую.

– У тебя было открыто, – оправдался Сергей Сергеевич, постукивая тростью, – скажи мне, ты вызвал полицию?

– С трудом убедил, но они приедут! – заверил старика, Владимир Алексеевич.

Старик Емельянов заморгал глазами, слезы скатились по его щекам.

– Жаль молодых ученых, – прошептал он.

– В какой-то мере, действительно, жаль, – поддержал Владимир Алексеевич.

Взвыла сирена на полицейской машине, остановившейся возле ворот зачарованного дома.

Соседи, как замороженные, столпившись у крыльца старого особняка, наблюдали за суетой вначале патрульных, а затем криминалистов из следственного отдела.

Старик Емельянов, отведя Владимира Алексеевича в сторону, украдкой шепнул ему:

– Говорят, у чудака, алхимика Демьянова, что владел этим домом после купцов Затрапезниковых, бесследно пропала молодая жена.

– Сбежала? – заинтригованно, но недоверчиво хмыкнул Владимир Алексеевич.

– А у Аверьяновых в доме остался глава семьи, Константин Михайлович и сколько его ни искали...

Старик тяжело вздохнул, выразительно посмотрел в сторону полицейских:

– Эмигрировали Аверьяновы без него!

– Может, он не захотел уезжать, – возразил Владимир Алексеевич.

Сергей Сергеевич забеспокоился.

– Семья – это святое. Только нехристи посылают в изгой своих родственников! Особенно актуально это в тяжелые времена. И надо учитывать, куда он мог деться без багажа, без документов, без денег, наконец?

– Это точно известно? – испуганно взглянул ему в лицо, Владимир Алексеевич.

– Мои предки не лгут! – горделиво выпрямился старик Емельянов и обнял за плечи своих сыновей, стоявших рядышком.

– Никаких следов, – беспомощно развел руками следователь, спускаясь с широких ступеней крыльца, к соседям, – прямо, мистика какая-то!

– А, если это опасно? – выкрикнули из сплотившихся рядов семьи, Кузьмичевы.

Следователь слегка пожал плечами:

– Кто знает. Дом мы опечатаем!

– Видеокамеры, – вспомнил Владимир Алексеевич, подаваясь вперед, – что на них?

– Ничего... Белый шум! – мрачно покачал головой следователь.

– Но вещи, сотовые телефоны, ведь что-то от ученых осталось?

Следователь понятливо кивнул, зябко поежился и, оглянувшись на дом, устало прикрыл глаза:

– Никаких зацепок и вещи, и люди будто испарились. Мы подняли на ноги весь научный центр, обзвонили родных пропавших, особенно встревожилась мать Дмитрия...

И наморщил лоб, вспоминая фамилию.

– Мити? – догадался Владимир Алексеевич.

– Она едет сюда, – чуть слышно произнес следователь, – ее реакция на известие о пропаже сына мне показалась чересчур бурной!

7

– Аверьяновы! – восхищенно повторял старик Емельянов, потрясенно пожимая руки маленькой заплаканной женщине.

– Он хотел разгадать загадку, найти прадеда, – жаловалась она, роняя крупные слезы себе под ноги.

Владимир Алексеевич включил люстры. Электрический свет залил прихожую, кухонное пространство и гостиную, где по стенам поблескивали резными рамками живописные картины.

– Снимайте пальто, – велел Владимир Алексеевич госте.

Несколько минут спустя, после помощи старика Емельянова, они сидели за покрытым голубой скатертью столом на кухне и ели жареную яичницу с колбасой, слушая, как трещат дрова в камине.

– Камин – это единственный источник тепла в доме? – поднесла ко рту рюмку с успокоительными каплями, гостя.

– Есть еще газовый котел! – ответил Владимир Алексеевич. – Но мы так и не знаем вашего имени, отчества?

– Татьяна Алексеевна! – она поднесла руку ко лбу. – Голова кружится!

– Вам необходимо отдохнуть! – забеспокоился Владимир Алексеевич и, несмотря на протесты госты, отвел ее в комнату дочери, где уложил в кровать.

Изнемогающий от любопытства, старик Емельянов возбужденно пританцовывал в коридоре, когда Владимир Алексеевич тихонько прикрыл за собой дверь.

– А твоя дочь, где же?

– В моей комнате!

Они мигом приоткрыли двери и, заглянув, убедились, глядя на безмятежное лицо спящей Арины, что все в порядке.

Старик Емельянов бесцеремонно дернул за рукав хозяина дома, потащил его в гостиную, к мягкому креслу и камину.

– Какова история! – выдохнул он.

– Диковинная, – согласился Владимир Алексеевич и подскочил, с соседнего участка послышался шум голосов.

Сквозь оконное стекло, свидетели наблюдали за чередой людей, медленно спускающихся во двор.

– Гляди-ка, тут сплошь старина! – заворожено наблюдая за одетыми по моде позапрошлого века, вельможами и слугами, произнес старик Емельянов.

В этот момент в распахнутых дверях особняка показались растерянные мужчины в кожаных куртках с фуражками увенчанными красными звездами.

– Комиссары! – перекрестился Емельянов.

Следом вышли ученые.

– Митя! – ахнул Владимир Алексеевич и бросился на улицу.

– Не знаю, где мы были, – дрожа всем телом, сообщил Митя и, сделав крупный глоток мятного чая из чашки, устало вздохнул.

– Все люди пропали, кроме ученых, – возбужденно выкрикнул, вбегая в дом, старик Емельянов, – полицейских я уже вызвал!

– Твоя мама приехала! – указал на свою комнату, Владимир Алексеевич.

– Мамоchка, – простонал Митя и, не спрашивая разрешения, побрел в комнату, где улегся на покрывало, рядом с матерью.

– Прямо сонное царство! – пробормотал Владимир Алексеевич.

Между тем, соседи развили бурную деятельность. Разобрав ученых по своим домам, напоив, накормив, они с полным знанием дела заявили подъехавшим следователям о крайнем нервном истощении возвращенцев.

Не успели они закрыть рты, как телевизионщики, прознавшие о сенсационной истории, принялись задавать вопросы.

– Куда делись остальные: вельможи, слуги и красные комиссары?

– Растворились в воздухе!

– Ну да, это не их время.

– Эпоха на дворе другая.

Делились догадками соседи.

– А, что с учеными? – нацелив объективы телекамер на взволнованных людей, спрашивали телерепортеры.

– Уснули!

– Понятно, – медленно произнес следователь.

Операторы развернули объективы телекамер к нему.

– Не знаю, – рассуждал следователь, – все это очень странно, не могу найти случившемуся никакого объяснения.

– Зачарованный дом, – выкрикнул старик Емельянов, – здесь, всегда пропадали люди и кто ведает, может, пропадали даже толпы людей, а мы ничего не знали!

Между тем, двор особняка и прилегающую к нему улицу заполонили грузовички и газели, увешанные круглыми антеннами и надписями, возвещающими прохожим о приезде областного, российского и бог весть еще какого, телевидения. Газетчики не отставали, ловко лавируя между людьми, на лету хватали новости, исписывая мелким неразборчивым почерком записные книжки.

Прыти у старика Емельянова поубавилось. Пятясь с родственниками к своему дому, он неумело защищался от настырных приставаний пишущих проныр.

Владимир Алексеевич в некотором замешательстве уставился на десяток машин «скорой помощи» потеснивших автомобили телевизионщиков.

– Разве ученых отвезут в больницу?

– В исследовательский центр! – ответил следователь и добавил, обращаясь непосредственно к Владимиру Алексеевичу. – Согласитесь, вся эта история выходит за рамки нашего с вами понимания!

8

Владимир Алексеевич опустился в кресло и приглашающее посмотрел на Арину, показывая на диван, возле себя.

– Мне кажется, пора разрядить елку?

– В конце января?!

– Стало быть, пускай ёлочка еще постоит наряженная?

– Дома – искусственная, что ей сделается, а во дворе сама по себе растет! Мешают они тебе, па?

– Нисколько, – разглядывая стеклянные новогодние игрушки времен своего детства на «домашней» елке, ответил отец.

– Так пусть постоят еще месяц.

– Пускай, – согласился он.

Владимир Алексеевич одарил дочь ласковой улыбкой, заключая с ней глазами семейный договор.

Арина задумчиво поглядела в окно.

– Интересно, как там Митя?

– Татьяна Алексеевна сегодня утром по телефону сообщила, все в порядке, психическое состояние стабилизировалось, одно неприятно – он все время спит!

– Будто болен! – пристально посмотрела на отца Арина, взгляд у нее был пронзительный, как яркий луч солнца, пробившийся сквозь грозовые тучи.

Непонятно почему Владимир Алексеевич почувствовал тревогу.

– Митя тебя беспокоит?

– Я часто думаю о нем! – созналась Арина.

– Он нравится тебе?

– Да.

– Он хороший ученый, – отважно произнес отец, – я наводил справки. Оказывается, в свои неполные тридцать лет Митя успел запатентовать три научных открытия, получил государственную премию и с десятков правительственных наград!

– Он очень умный, правда?

– Боюсь, слишком умный!

– Слишком, для меня?

– Мы – простые люди, – напомнил Владимир Алексеевич, – а он – Аверьянов, потомок дворян!

Арина рассеянно кивнула.

– Разницу видно и сейчас, как ни крути, те же Емельяновы останутся крестьянами, у них в хлеву и сегодня мычат коровы, а на земельных наделах летом горбатится вся семья, выращивая картошку. Борисовы и Кузьмичевы – фабричные рабочие и даже приобретя в собственность одну из мануфактур, на которой трудились простыми работягами их предки, не смогут прыгнуть выше головы. А у нас в роду хоть и кипели в тревоге за души и умы юных учеников, твои предки сплошь учителя, однако дворянами они не являлись, так, средним классом.

– Что из того?

– Жизнь в нашей стране удивительная. В эпоху существования Советского Союза классовое различие было незаметно, но ощутимо. Я знал семью, где внучка дворянина не могла ужиться с внуком крестьянина. Интересы не совпадали! Она – театралка, возвышенная особа, он – хапуга и скупердяй, с болезненной настойчивостью набивающий дом склянками с деньгами.

– Разве это плохо?

– Может, и хорошо, – кивнул отец, – но с рождением детей, а затем и внуков такие семьи становятся несчастными. Так и тут, он удалился в деревянную избушку, поближе к земле. Она, витая в облаках, продолжала порхать по сверкающему миру театральных балов, вовлекая внуков в свет красок и музыки. Дети отделились, не в силах понять родителей.

Владимир Алексеевич наклонился к остывающему камину, подкинул еще полено, взял кочергу, поворошил горевшие неверным огнем, угли.

– Что думаешь, у меня с Митей ничего не получится? – нерешительно спросила Арина.

Она поднесла трясущуюся руку ко лбу:

– Впрочем, о чем это я? Больная, никому не нужная, размечталась!

Всхлипнула девушка.

– Как это не нужная, ты мне необходима! – горячо возразил отец.

Арина бросилась к нему, нежно погладила по щекам, прижалась к надежной отцовской груди.

– Прости, папочка, я такая эгоистка!

Вместо ответа, он посадил дочку к себе на колени и тихонько покачивая, принялся баюкать.

Мгновение спустя Арина уже крепко спала. Владимир Алексеевич так и застыл с ней, глядя на догорающее полено и обдумывая вслух свои мысли:

– Эх, дочка, – шептал он, нежно сдувая прядку русых волос с ее лица, – если бы ты была здорова, всяко уж внуки мои бегали бы по дому. А с моим зятем, хорошим парнем мы бы выстроили беседку и баньку. Давно собираюсь, да руки не доходят. Он, наверное, работал бы врачом, но гвоздь забить или топор наточить всяко бы сумел, в России живем, как не научиться! А еще мы с ним рыбачили бы, река рядом протекает, в господском пруде, что за старым особняком караси попадаются! Ходил бы я с внуками в лес, за ягодами, грибами, благо лес от бездействия едрессовских властей успел разрастись и вширь, и вдаль. Тут и ты, моя родная, готовила, кашеварила для нас разные вкусности. Глядишь, семья покрепче емельяновской получилась бы. Вот и выходит, что я с легкой душой оставил бы тебя, помер!

– Я люблю тебя, па! – прошептала Арина сквозь сон.

– Спи, дитя мое! – поцеловал ее в лоб отец и крепко обнял, устраиваясь с ней удобней в мягком кресле, возле теплого камина.

9

Теперь, когда у Арины появилась цель, она сразу почувствовала себя намного лучше. Спору нет, сердце сбоило, но под влиянием настроения Арины сбоило все меньше. От лекарств девушка перешла к витаминам, морковным салатам, грецким орехам, фруктам. Так что, в прямом смысле слова любовью исцелилась.

Одного она не замечала. В соседнем доме происходили загадочные явления. Некто открывал ставни по утрам. Бывало, из раскрытых форточек доносилась музыка, схожая с той, что проигрывают шипящие на все лады старинные пластинки граммофонов.

Пока что лишь отец бросал на старый особняк подозрительные взгляды. Иной раз и старик Емельянов маячил возле крыльца зачарованного дома.

Ничего не говоря Арине, они совместными усилиями обыскивали каждую комнату. Но обманчиво звучащая музыка растворялась, стихая где-то в глубине дома, а ставни сами собой захлопывались.

– Привидения! – выразительно стучал тростью по косяку входной двери старик Емельянов.

– Черти! – сердился Владимир Алексеевич.

Арина хлопотала в своем мирке: готовила, стирала, убирала. Собирая для Мити в больницу передачи, она замирала душой, поглаживая шероховатые бока апельсинов и затаив дыхание, всякий раз глядела, а не будет ли записки, но отец качал головой, отрицая саму возможность написания больным письма.

– Спит твой Митя, – вздыхал он, опускаясь в кресло, – и кормят его через капельницы.

– А как же, – начинала Арина.

– Фрукты? – догадывался отец. – Татьяна Алексеевна выжимает из них сок, пытается напоить сына, хотя бы каплю, другую!

Арина не унывала, она надеялась на лучшее.

Однажды, в предвесенний солнечный день, когда отец убирал деревянной лопатой снег со двора, а на забор нет-нет, да и вспархивали важные грачи, для которых тут же на очищенном пятачке земли было разложено угощение – сваренная картошка в «мундире», Арина наблюдала за скворчавшей сковородкой с подрумянившимися кусочками мяса.

В этот самый момент чьи-то прохладные ладони легли на ее глаза, закрыв солнечный свет. Она не испугалась, не вздрогнула, а обернувшись, радостно вскрикнула, увидев улыбающегося Митю.

– Ах, как я тебя люблю! – простодушно призналась она.

Он расхохотался и ласково потрепал Арину по голове.

Одет Митя был в больничную пижаму, но весь его облик дышал таким очарованием, что мгновенно наркотиком подействовал на влюбленную девушку.

Обратив поначалу внимание на неподходящую одежду, она вскоре и думать, забыла, как он одет, да что там, утонула в глубине его глаз, будто в омут угодила.

Арина чувствовала, как лицо ее заливают жаркий румянец.

Митя заинтересованно смотрел на нее, наклонив голову набок.

Пальцами девушка неловко теребила подол фартука, но когда жир на сковородке оглушительно фыркнул, опомнилась:

– Ой, ты же голодный, наверное! Садись за стол, я тебя покормлю!

Но вот, оглянувшись с тарелкой полной жареного мяса, она обнаружила пустыми стулья за столом, пустую кухню и никого в доме, сколько, ни бегала, сколько, ни звала любимого.

Втянув голову в плечи, девушка испуганно смотрела на отца, перепугавшегося не меньше дочери. Он названивал в больницу.

– По-прежнему спит? Татьяна Алексеевна, голубушка, ему не лучше, Мите не лучше?
Почти плача спрашивал он и, услышав отрицательный ответ, перевел дух, повесил трубку.

Они посидели насупленные, взъерошенные, напротив друг друга, за кухонным столом.

– Папочка, но он был таким реальным, – пожаловалась Арина.

– Понятно, – загадочно протянул отец.

– Но как он мог оказаться в двух местах, одновременно?

– Пока не знаю!

Арина ошеломленно смотрела на него.

10

– Да, – неуверенно начал старик Емельянов. – В народе поговаривают, что перед смертью иные люди выходят из тел и бродят себе, будто призраки.

– Тише ты, – прошипел Владимир Алексеевич, косясь на окна своего дома.

– Как странно! Ученый, а бродит! Погоди-ка, может это особняк коленца выкидывает?

Они дружно посмотрели на приоткрытые ставни зачарованного дома.

– Да, Сергей Сергеевич, да. Опять кто-то ставни раскрыл.

Старик Емельянов серьезно посмотрел на соседа.

– Колдунов надо приглашать, по-современному, экстрасенсов.

Владимир Алексеевич страдальчески наморщил лоб, пытаясь дать разумную оценку происходящему.

– Скидываться с каждого двора и звать тех, кто может разобраться в ситуации, сам видишь!

Он протянул руку к зачарованному дому, указывая пальцем на совершенно открывшуюся ставню.

Вместо ответа, Владимир Алексеевич коротко кивнул.

В тот же день, приплясывая от нетерпения, старик Емельянов встречал на дороге колдуна.

Это был высокий мужик, наделенный, судя по всему могучей магической силой. Одет он был в черные развевающиеся одежды: кожаный плащ на меху, широкополую темную шляпу, кожаные штаны и кирзовые сапоги, поскрипывающие на каждом шагу. Длинные черные волосы, до пояса, посверкивали на солнце отдельными седыми прядями.

Весь увешанный атрибутами колдовского мира, под пристальными взглядами соседей вновь собравшихся вместе во дворе зачарованного дома, он вылез из-за руля огромного серебристого джипа, и едва взглянув на открытую ставню, сказал:

– Я тут бессилен!

– Что такое? – недоуменно выступил вперед старик Емельянов.

– Попробую передать вашу проблему более сильной, – честно ответил колдун, – ведьме!

Еще через час на маленькой красной машинке прикатила ведьма с пронзительным и в то же время добрым взором, мягко взиравшим на всех присутствующих.

– Ребенок у тебя будет замечательный! – сообщила она беременной молодой из Борисовых.

– А ты вылечишься от кашля! – ободрила курящую старуху Кузьмичеву.

– Дочка у тебя поправится, – с улыбкой посмотрела на Владимира Алексеевича.

– Погоди-ка, – выскочил вперед старик Емельянов, – что, дом?

Ткнул он пальцем в особняк.

Ведьма перевела взгляд на зачарованный дом, тихонько ойкнула и как давешний колдун полезла задом в свою машину. Дала по газам, только ее и видели.

– Вот так ведьмаки! – захихикал старик Емельянов. – Им бы фокусы показывать!

– Цыганщина! – презрительно процедила старуха Кузьмичева, выпуская дым из трубки.

– Может, батюшку пригласить? – подала голос беременная молодуха Борисовых.

– Ясное дело, – зашумели соседи.

К вечеру, из дальнего мужского монастыря пришли пятеро. Они развили бурную деятельность, залили весь особняк святой водой, рыскали с молитвами по чердаку и подвалу, скрупулезно, всю ночь читали псалмы и акафисты.

– Дьявола не обнаружили! – огорченно всплеснул руками старший иеромонах.

– В доме нечистой силы нет! – с аппетитом поедая морковные котлеты, приготовленные специально для монахов, как известно, вегетарианцев, Ариной, произнес второй монах.

– И никогда не было! – прогудел низким басом третий монах.

– Призраки, вот ваши соседи! – авторитетно заявил четвертый.

– Братья, но как же нам отправить их на тот свет? – подхватил пятый. – И опасны ли они для живущих, вот в чем вопрос?

Арина во все глаза смотрела на монахов. Сердце ее билось так, что его стук, казалось, заглушал слова святых отцов.

– Ты недалек от истины! – поднял палец, кверху старший иеромонах, обращаясь к последнему монашку. – Умершие должны уходить из нашего мира, ибо для них, здесь, ничего нет!

– Даже морковных котлет! – добавил второй, не отрываясь от тарелки.

– Но как нам быть, – взволнованно начал старик Емельянов, топчущийся тут же, на кухне, – мы ведь не знаем, что призраки выкинут в следующий раз!

И он выразительно посмотрел на Арину.

– Они, как правило, хотят кушать! – недовольно прогудел низким басом третий монах.

– Чистую энергию им подавай! – авторитетно подтвердил четвертый. – Энергию живущих!

– Что же делать? – заломил руки пятый.

Мысли Арины все время вертелись вокруг Мити. Не прошло и часа, как ее сапожки застучали по заснеженной дорожке к автобусной остановке. Высоко над головой светило мартовское солнышко. Сердце билось неровно, но наполненное любовью, почти не давало Арине сбиться с дыхания.

Твердым шагом она, через некоторое время, подошла к белой двери больничной палаты и бестрепетной рукой приоткрыла себе путь к любимому.

– Арина? – спросила Татьяна Алексеевна, вставая ей навстречу.

За ее спиной девушка увидела бледное лицо Мити. Возле кровати стояла капельница с бутылкой лекарства, от которой к похудевшей руке больного тянулся прозрачный провод. В углу аккуратно примостилась тумбочка с пакетами фруктов и бутылками минералки.

– Я вас сменю, – уверенно произнесла Арина, усаживаясь на место Татьяны Алексеевны, на мягкий стул, – отдохните, вы устали!

– Спасибо, Аринушка, – прошептала сквозь слезы мать Мити и погладила девушку по голове, – если что, толкни меня!

И она прилегла на соседнюю, пустую кровать, мигом позабывшись сном.

Арина глаз не могла отвести от любимого. Такого красивого мужчины она в жизни не видела. Арина мечтала увидеть его ласковый взгляд еще раз, как тогда, на кухне! Однако то был призрак, одернула она саму себя и затряслась, словно в лихорадке.

11

- Как думаешь, почему часы все время останавливаются? Стрелки то и дело застывают!
- А ты потряси их хорошенько, может, часы у тебя не новые?

Старик Емельянов прищурился:

- Сам ты, Володя, не новый! А часы мне на день рождения даренные. Дети подарили!
- Давнишний день рождения? – съязвил Владимир Алексеевич.
- Сегодняшний!

- Поздравляю! – с сарказмом бросил Владимир Алексеевич.

- Но почему они останавливаются?

- Китайцы делали!

– Часы русские, – возразил Сергей Сергеевич, в который раз прикладывая «командирские» наручные часы к уху.

– Русское все разворовано самими русскими, ими же и разрушено, – исподлобья посмотрел на соседа, Владимир Алексеевич, – одна показуха да почетные грамоты остались.

- Ничего, и на нашей улице будет праздник, – выдохнул чуть слышно старик Емельянов. Владимир Алексеевич скосил глаза на собственные часы.

- Кажется, и мои остановились!

- Ага! – торжествуя подскочил старик Емельянов и умолк.

В доме что-то грохнуло. Владимир Алексеевич с тревогой посмотрел на Сергея Сергеевича:

– Ну, ее к черту, засаду эту, пропадем как Константин Михайлович Аверьянов, как пропала жена алхимика Демьянова.

- И бог весть еще, сколько народу, – добавил, приподымаясь со стула, старик Емельянов. Внезапно что-то со свистом пролетело возле уха Владимира Алексеевича.

С лестницы, ведущей на второй этаж, раздалась чьи-то взволнованные голоса и торопливые шаги.

- Бежим! – бросился прочь, на улицу Сергей Сергеевич.

Владимир Алексеевич замешкался и увидел край подола длинного платья женщины, спускающейся по ступеням.

Уже покидая зачарованный дом, где они со стариком Емельяновым легкомысленно уселись на стульях у самого выхода, он заметил, что призраки запустили в него тарелкой.

- Погоди-ка, – остановился он. – Эта тарелка из моего дома.

– Говорил я тебе, молодой ученый, что зачастил к тебе домой, заразу на подошвах башмаков своих принесет! – назидательно произнес убежденный сединой, мудрый сосед, но задев в приоткрывшейся двери особняка женскую фигуру, вскрикнул. – Скорее, прочь!

- Действительно, – пробормотал Владимир Алексеевич, не трогаясь с места.

Через двор к нему торжественно шла красавица. В мечтательном взгляде ее было столько живого любопытства, столько неподдельного интереса именно к нему, что Владимир Алексеевич решительно не мог сделать и шагу. Пока приплясывающий от нетерпения старик Емельянов не кинулся из-за забора на помощь соседу.

– Спасибо, – промямлил Владимир Алексеевич, обзревая пустой двор, и потер лоб, – кажется, я становлюсь мистиком.

- Поневоле станешь, – одобрительно выкрикнул старик Емельянов.

Владимир Алексеевич вздрогнул, словно очнулся:

- Но она выглядела такой живой!

– Я ее видел! – щеки Сергея Сергеевича пылали, глаза лихорадочно блестели. – Наверняка, то была пропавшая жена волшебника Демьянова!

– Живая или мертвая? – недоумевал Владимир Алексеевич.

– Вот, погоди, придет ведун с Виляди, разберемся! – пообещал Сергей Сергеевич, вглядываясь в окна зачарованного дома.

– Что у вас тут произошло?

– Аринушка, душенька! – бросился к ней старик Емельянов.

Внезапно, из дома раздался пронзительный женский визг.

– Что это было? – трясущимися губами проговорил старик Емельянов.

Владимир Алексеевич отшатнулся, стараясь прикрыть собой дочь, волосы его встали дыбом, а глаза неотрывно следили за домом.

– С нами крестная сила! – ахнул Сергей Сергеевич, пятясь.

Визг прозвучал снова, но уже нотой выше и выше, видимо вовсе переходя на ультразвук.

С ближайшего дерева свалилась галка. Поползла червяком по земле, разевая, беззвучно клюв.

Искатели приключений кинулись прочь.

Забежав в крепкую, похожую на крепость, двухэтажную избу Емельяновых, Владимир Алексеевич вытер пот со лба.

Арина привалилась к косяку двери.

– Что делается? – потрясенно произнес старший сын старика Емельянова.

– Идем, милая! – вмешались две молодухи и, закутав Арину в клетчатое шерстяное одеяло, уложили в задней комнатке.

– Никто не побеспокоит! – проводив Арину взглядом, пояснил средний сын старика Емельянова.

– Может, снова монахов позовем? – лихорадочно прошептал глава семьи.

– Они с привидениями не борются!

– Когда уже твой ведун явится? – рявкнул старший сын отцу.

– Сегодня должен, – тоскливо взглянув в окно, ответил Сергей Сергеевич.

Забыв о призраках, Владимир Алексеевич оглядывал гостиную. Он редко бывал в гостях у Емельяновых и перемены в обстановке их жилища пропускал. Комната показалась ему громадной. Много самого разного добра громоздилось по углам: и старинные сундуки, и дубовые комоды, и расписные буфеты, уставленные цветастыми сервизами.

Широкая лестница в несколько десятков ступеней вела на второй этаж, где по воспоминаниям Владимира Алексеевича были расположены детские для старших внуков старика Емельянова.

– Ну, наконец-то, – сказал Сергей Сергеевич, шагнув навстречу маленькому беленькому старичку с посохом в руке.

Ведун сокрушенно вздохнул:

– Видел я дом...

Он осторожно положил на стол свой вещевой мешок.

– Не упокоенные души там живут, но мало того, кто-то из живущих открыл портал в иное мирье.

– Кто? – насупился старший сын Емельянова.

– Надо полагать алхимик, чудака Демьянов, – вмешался Владимир Алексеевич.

Ведун посмотрел в окно, где на небе ярко светило почти весеннее солнце, дотаивали последние сугробы.

– Будем отправлять, – решительно произнес ведун.

– Кого? – не понял старший сын Емельянова.

– Всех! – отозвался старик. – Правда, сие усилие, займет немало времени и сил.

Он вопросительно взглянул на присутствующих.

– Мы заплатим! – торопливо пообещал Владимир Алексеевич.

– Плата? – удивился ведун и покачал головой. – Надеюсь, не упокоенные просто застряли в старом доме, но если их убили, если хоть одного...

Он сделал многозначительную паузу.

– Штука вся в том, что убиенный ищет, кому бы отомстить и находит, иногда через много лет, в потомках убийцы!

– Кстати, чей дом по соседству стоит со старым особняком?

– Мой! – просипел Владимир Алексеевич, неожиданно потеряв голос.

– Тогда я поселюсь у вас, – взглянул он кошачьими ярко-зелеными глазами в глаза отцу Арины.

12

Ведун предпочитал старинное языческое имя – Велес. В миру или по паспорту, вполне возможно и звали его по-другому, попроще, но, ни Владимиру Алексеевичу, ни, тем более, его дочери до этого не было никакого дела.

Поселившись в девичьей, Велес, взглянув на Арину, убирающую свои вещи с полок бельевого шкафа, затеял странный разговор.

– Сидишь ты в клетке, как не знаю кто!

– Какой клетке? – не поняла она.

– У каждого своя клетка. У кого-то больше, у кого-то меньше.

– Вы хотите сказать, прочнее? – догадалась Арина.

– О, и это тоже! – воодушевился ведун. – Клетки бывают всякими. Иной человек думает, что свободен, а на нет, связан, оказывается, по рукам и ногам, так называемым социальным поведением.

– Это когда человек боится, что люди о нём скажут?

– Вот именно! Самые страшные клетки выстраивают для себя двуличные люди, душегубы, мнящие из себя этаких разумцев или не дай бог, верующих людей!

– Какой ужас! – отреагировала Арина, прижимая ладони ко рту.

– И нет прочнее клетки у властолюбцев, чиновники от власти вообще из клеток выбраться не могут.

– И клетки сжимаются? – поняла девушка.

– О, еще как сжимаются! Человек в ней скукоживается, к старости уменьшается до мизерного состояния зародыша. Недаром говорят, чем меньше человек в процессе жизни уделяет внимания другим живым существам, тем меньше у него становится мозгов.

– Впадает в маразм?

Ведун вместо ответа коротко кивнул, но помолчав, продолжил:

– Злобные люди становятся к старости невменяемыми!

– О, да, клетку не может создать добрый человек, – горячо поддержала старика, Арина, – добрый всегда протянет руку помощи попавшему в беду родственнику или другу. Доброму даже в голову не придет, заняться обогащением или карьерой, игнорируя нужды близких. Но разве я сижу в клетке?

Вернулась она к началу разговора.

– Женщины любят городить прутик к пруту, – улыбнулся ведун, – твоя клетка называется любовью! А слепое поклонение мужчине может привести к потере другого мужчины, пожалуй, самого важного в твоей жизни.

– Кого?

– Отца!

Арина с почтительной робостью закивала головой в знак того, что она действительно в последнее время обходит своего отца вниманием и дочерней любовью.

– Ну что ж, – твердо произнесла она, – вы абсолютно правы!

– Влюбленные – такие эгоисты, – рассмеялся старичок, – а родители, тем не менее, переживают. Слезы в подушку льют!

– Он многим пожертвовал ради меня, – прошептала Арина.

Ведун испытующе смерил ее взглядом.

– Твоя мама умерла еще в твоём лучезарном детстве?

– Мне было восемь лет, – подтвердила Арина, – вначале она, а следом бабушка.

– И обе от инфаркта? – внимательно изучая бледно-фиолетовые губы девушки, догадался ведун.

– Митя говорил, что это похоже на родовое проклятие, – вспомнила Арина.

– Родовое проклятие? – переспросил Велес и рассмеялся. – О, нет! Им, здесь, и не пахнет, а вот плохой наследственностью, кровосмешением пахнет сильнее некуда!

– Кровосмешением? – удивилась Арина.

– Ага. В девятнадцатом веке не считался чем-то из ряда вон выходящим, брак с двоюродным братом, например?

И он вопросительно взглянул на нее.

– Безусловно, ваша семья из благородных!

– По маминей линии, мы – обедневшие дворяне! После революции моя прабабушка пошла, преподавать в детскую коммуну.

– А муж, ее двоюродный брат?

– Погиб!

– Ребенок?

– Девочка, моя бабушка, – подтвердила Арина, не сводя с него глаз.

– Позвольте, – с сомнением покачал головой ведун, – мне необходимо увидеть вашего возлюбленного. Он, кажется тоже из дворянского рода?

– Аверьяновых, – подтвердила Арина.

– А ваша фамилия?

– Мы – Павловы! – вошел в комнату, Владимир Алексеевич.

– По вашей линии, – заметил ведун, – а по женской, как фамилия вашей жены, ее матери и праматери?

– Демьяновы!

Владимир Алексеевич посмотрел изумленно.

– Но этого не может быть! Они, наверное, просто однофамильцы с алхимиком!

– И вы видели его пропавшую жену? – пробормотал ведун, обращаясь скорее к себе, нежели к хозяину дома.

– А я разговаривала с Митей на кухне, хотя он был в больнице! – вмешалась Арина, переглядываясь с отцом.

– Какой загадочный случай! – восхищенно произнес ведун. – Целая детективная история, скажу я вам, тем интереснее её будет распутывать!

– Вы думаете, они – предки Демьянова? – перебирал ногами от нетерпения старик Емельянов, когда ему объяснили суть обсуждаемого вопроса.

Ведун не спешил с ответом, поскольку хорошо знал психологические тонкости подобных дел.

Он взял с тарелки еще одно шоколадное пирожное и неторопливо отправил его в рот.

– Славное время, девятнадцатый век! – вопил старик Емельянов, делая забег по кухне. – Сколько всего наколбасили богатеи, так что мы в двадцать первом не знаем, как разобраться с их безобразием!

Велес наклонил голову.

– Позвольте, было семьдесят лет атеизма, – напомнил он, – люди попросту не верили в призраков и все происки привидений приписывали своим психическим расстройствам, галлюцинациям!

– До недавнего времени, и я считал себя атеистом, был недоверчив и груб с искателями мистических миров, – вздохнул Владимир Алексеевич.

Ведун с интересом посмотрел на него.

– Мне всегда хотелось спросить у таких, как вы? А, что же, после смерти?

– Ничего, так я считал!

– Зароют, и все на этом закончится? – развеселился Велес.

Владимир Алексеевич грустно кивнул.

– Но все же, – остановился посреди кухни старик Емельянов, – она – Демьянова или нет?
Указал он на Арину.
– Это мы и будем выяснять, но завтра!
Широко зевнул старичок.

13

Арина заняла отцовскую комнату. Отец улегся на диване, в гостиной. Быстро выпив необходимые для лечения сердца витамины, она забралась под одеяло и, уставившись в окно, прикрытое лишь прозрачной тюлевой занавеской, медитируя на полную белую Луну, сияющую на темном небосклоне, глубоко задумалась.

Постепенно, взор ее приобрел бессмысленное выражение свойственное сонным людям, глаза сомкнулись, и она увидела сон.

Вот перед ней: белая стена зачарованного дома с широким крыльцом и изящными перилами. Окна освещены, из-за двойных рам с чистыми стеклами доносятся веселые голоса.

Привстав на цыпочки, Арина увидела гостиную, где в бальных платьях, с шикарными прическами расхаживали молодые женщины. И Митя, ее Митя кружился в танце с невероятной красавицей такой, что в сердце Арины поднялась и тяжело заворочалась ревность.

Красавица, как почувствовала, на миг, остановившись, в упор посмотрела на Арину, стоявшую за окном, во дворе. Невозможно было понять, о чем она думает.

Арина чувствовала, как бешено, колотится сердце. На нее вдруг дохнуло невероятной мощью, за которой стоял ненавидящий всех живущих, разум красавицы.

– Он мой! – завизжала она, наклоняясь из распахнувшегося окна.

И демонстрируя свою несокрушимую силу, дунула на Арину.

Вокруг взревел ураган, с чудовищным напором вытолкнул девушку за пределы территории зачарованного дома.

Задышавшись от ветра, Арина цеплялась руками за забор, но красавица с неожиданным проворством выскочила из окна, пролетела по воздуху, и пристально посмотрев ей в глаза, отцепила руки девушки.

Арину понесло к белой Луне и темному небосводу, вслед ей неся насмешливый хохот неизвестной соперницы.

Арина вздрогнула и проснулась.

– Жена Демьянова, – догадалась она.

В доме было тихо, ни шороха, ни сонного похрапывания.

На цыпочках прокралась в прихожую, оделась и, стараясь не скрипнуть входной дверью, вышла на крыльцо.

Зачарованный дом заливал странный призрачный свет Луны. Бледно-зеленые тени скользили по двору в диловинном танце.

Арине казалось, что она слышит шелковистый шелест юбок барышень, слышит пощелкивание каблучков лихих кавалеров.

Девушка прищурилась, пытаясь отличить реальность от мистики. И пошатнулась, все поплыло перед глазами. В прозрачном свете сияния Луны, Арина увидела прекрасного седого мужчину в старинном костюме. Она мгновенно поняла, что перед ней не просто призрак.

– Константин Михайлович Аверьянов! – величаво произнес он.

Арина не сводила с него испуганных глаз, сердце ее замирало от ужаса.

– Чем могу служить? – почтительно, помня о родстве ее любимого Мити с этим странным гостем, прошептала она.

Константин Михайлович пристально посмотрел на девушку.

– Любовь не делает поблажек. Иная простушка влюбится в негодя, пьяницу и он ее с ума сведет, загонит в могилу, а она его еще будет оправдывать перед Ангелом Смерти. Другой выберет себе ведьму и будет пылинки с нее сдувать. Но потомки колдуна Демьянова...

Не договорил он и замолчал, взглядом разрешая ей говорить.

– Это еще неизвестно! – горячо возразила Арина, разгневавшись. – И даже если так, потомки не в ответе за предков!

Ее слова несказанно удивили Аверьянова, он заинтересованно глянул на нее:

– Может, ты с твоим больным сердцем еще и ребенка собираешься родить от моего потомка?

– От Мити, – промолвила, растерявшись, Арина, – я так далеко не заглядываю!

– Но почему именно Митя?

– Я люблю его, – гордо произнесла Арина.

– Ему не вырваться из рук Марии, – задумчиво сказал Константин Михайлович.

– Демьяновой? – ахнула Арина, вспоминая свой сон с визжащей красавицей.

– Она – ведьма, – глухо прозвучал его голос.

Арина смело взглянула в льдистые глаза призрака.

– Пускай! Но если я потомок Демьянова, то мы еще потягемся с нею!

– Слышишь? – крикнула она во всю силу своих легких. – Мария! Митю я тебе не отдам, он – мой!

В ответ раздался пронзительный негодующий женский визг, переполошивший всю округу. Взыли цепные псы, и отец, путаясь в одеяле, выскочил на крыльцо.

– Девочка моя, что случилось?

Константин Михайлович метнул на него яростный взгляд и истаял, обратившись в лунную дымку, неторопливо поплывшую над землей обратно, к дому.

На глазах у Арины закипели злые слезы. Из горла вырвался отчаянный, протяжный вопль:

– Не от-да-ам!

В зачарованном доме оглушительно хлопнуло окно и все стихло.

– Призраки буянят? – ласково улыбнулся, выйдя на крыльцо, ведун.

– Эта идиотка Мария, – Арина резким движением смахнула с глаз слезы, – наверное, думает, что еще жива и может диктовать мне свои условия!

– А как же! – пропел ведун. – Твоя, правда. Она верит в то, что жива!

– Но как такое возможно? – недоумевал Владимир Алексеевич.

Вместо ответа ведун пожал плечами и вернулся в сонное тепло дома потомков алхимика Демьянова.

14

Зачарованный дом считался, вероятно, самым старинным в округе, да и сложен он был из дорогостоящего кирпича. Каменная лестница в десять ступеней вела к парадной двери, сохранившей вычурные украшения.

Ведун долго взбирался по этим ступеням и в нерешительности медлил на каждом шагу. Оглядывался на застывших во дворе старика Емельянова и Владимира Алексеевича.

– Что там? – выкрикнула Арина.

Девушка тряслась, словно в лихорадке, стоя на крыльце родного дома.

Ведун не успел ответить, леденящий душу рев раздался из пустых комнат.

Арина в ужасе зажмурилась.

Окна затрещали, нечто с бешеной силой принялось налегать на рамы изнутри.

Воспользовавшись воцарившимся хаосом, Велес быстренько взобрался на крыльцо и распахнул дверь. Вернее, попытался распахнуть.

Двери тотчас захлопнулись.

Люди высыпали на улицу, вмиг осознав, что происходит что-то необычное. В ярком свете весеннего солнца они видели, как юркий старичок, колдун с Виляди, проворно бежит вокруг особняка Аверьяновых, пытаясь войти, но дом словно живой, сопротивляется, захлопывает перед носом ведуна ставни и двери.

– Свят, свят, – перекрестился Борисов старший, художник импрессионист, прическа, итак, дыбом, у него от всего происходящего еще более встопорщилась.

Курающаяся старуха Кузьмичева с испугу закашлялась.

Беременная молодуха Борисовых схватила за большой живот и согнулась от резкой боли:

– Ой, рожаю!

Соседи забегали.

– Едут! – нетерпеливо выкрикнул старик Емельянов, увидев машину «скорой помощи».

– Что тут у вас? – промолвил удивленно фельдшер, глядя на взбесившийся дом.

Старик Емельянов досадливо отмахнулся.

– Призраки! Не обращайтесь внимания!

– Дурдом какой-то! – кашляла старуха Кузьмичева под болезненные стенания молодухи Борисовой.

Обеих взяли в машину. Борисовы бросились к своим автомобилям, припаркованным во дворе и гараже. Впрочем, кое-кто из Кузьмичевых решили поддержать старуху и, подвинув Борисовых, с трудом, но уместились в машинах соседей.

В напряженном сражении ведуна с зачарованным домом, вереница машин во главе со «скорой помощью» поспешно отъезжавшими по дороге показали оставшимся сюрреалистической картинкой.

Навстречу «скорой», нырнув на обочину, промчался к месту события серый «уазик» с ярким логотипом телевизионной кампании.

– Куда их дьявол принес? – проворчал старик Емельянов, поспешно отступая к своим родственникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.